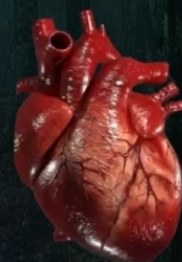
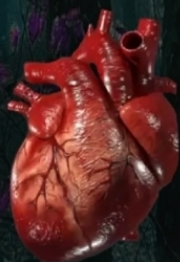

Она спрятала сердце в куклу

Евгения Халуляк

18+

Евгения Хамуляк

Она спрятала сердце в куклу

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Хамуляк Е. И.

Она спрятала сердце в куклу / Е. И. Хамуляк — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Эта история начиналась как сказка: однажды одна кукла почувствовала как бьется ее сердце. Бьется как человеческое. И проснулась. А когда проснулась, обнаружила, что мир постарел на сто лет: изменились дома и улицы, появились новые города и даже страны. Но ее история не изменилась, а просто на время остановилась, и герои старой трагедии в ожидании развязки вновь собираются в Волшебном лесу, где раньше жили магия и счастье, чтобы еще раз посмотреть в Зеркало Желаний и решить: стоит ли оно того, чтобы все желания на свете сбывались?

© Хамуляк Е. И., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Евгения Хамуляк

Она спрятала сердце в куклу

Часть 1. Мир глазами куклы

Первая глава приключений старой антикварной куклы Долли, в которой она просыпается от многолетнего сна и видит мир своими глазами.

Мы, куклы, живем как во сне, словно бабочки, застрявшие в раме окна, за которым бушует зима: слышимое и видимое воспринимаем сквозь туман сновидения...

Я помню, как меня подарили на Рождество одной маленькой рыжеволосой девочке – это была моя первая хозяйка, моя первая мама. Она была хорошая. Она обращалась со мною очень бережно.

Прошло много лет, и меня вместе с другими игрушками, тетрадами и книгами перенесли на пыльный чердак. И почти сотню лет новости нам приносили так же складываемые на безвременное хранение и на поедание паукам и плесени другие игрушки.

Как рождаются и умирают куклы, что чувствуют и что им нравится – на эти вопросы нет ответов. Мы помним все, но при этом не цепляемся ни за прошлое, ни за воспоминания, как это делают люди.

Но я отчетливо помню тот самый день: за окном вновь летали пчелы и цвели хризантемы, – в Италии, на моей родине, всегда много цветов и пчел, – я посмотрела в щелочку на знакомый вид, не сменявшийся вот уже сто, а может быть, и тысячу лет, и впервые мне захотелось чего-то большего.

Я не знала, кого просить и как желать, но помнила, как моя маленькая хозяйка складывала вместе ладоши, закрывала глаза и о чем-то мечтала, а на Рождество под елкой находила новые игрушки и конфеты. Я так же сложила вместе свои пластиковые ручки, закрыла свои нарисованные глазки и попросила кого-то, чтобы он подарил мне новую жизнь...

Так все и началось. Уже на следующий день меня положили в картонную коробку и вместе с другими игрушками повезли на рынок, где продавались старые трамвайчики, ржавые велосипедики, сломанные стульчики и куклы. Там меня увидела и купила одна сеньора. Когда она ласково взяла меня на руки, нежно погладила по жестким выцветшим волосикам и понесла домой, я поняла – наступило мое Рождество.

Мои кукольные глаза были широко открыты – мир оказался таким, что каждую минуту у меня возникало по тысяче вопросов, а я не находила ни одного ответа. Но удивляться этому сложному мироустройству мне нравилось. Наверное, для куклы это и есть самое сладкое лакомство – впечатления.

Мы приехали в мой новый дом, и он был полон игрушек. Они беспрестанно говорили и обменивались историями своей жизни, смеялись и болтали – они дружили. За сто лет я совсем забыла, как надо дружить. Мишки и игрушки, куклы и подушки, картины и фотографии – я была дома.

Однажды моя хозяйка сказала мне, что скоро мы вместе поедем на край света. Вместе. На край света. Это было невероятно!

Бережно удерживаемая в теплых объятиях, я впервые села в самолет. До этого мне приходилось лишь читать о самолетах в энциклопедиях.

И мы действительно летели на край света, мы летели в Исландию. Из окошка мне показалось, что я очутилась на Луне. Про нее я тоже читала в энциклопедии или не читала, а как будто просто знала заранее, словно это уже происходило со мною раньше.

Бескрайние поля застывшей лавы делали мир черно-серо-белым, будто выключили свет и стерли краски. Таких оттенков серого я не видела даже в энциклопедии. Можно ли было представить старую итальянскую куклу на фоне космического пейзажа? На Луне, например?

Пожалуй, между нами все-таки было что-то общее – между нами была вечность. Но я не чувствовала себя здесь чужой. Лава была так же одинока, как и я еще совсем недавно. Мы говорили на разных языках, мы были из разных миров, но молчание нас связывало. Наверное, вулканы тоже спят и видят сны, а потом у них тоже наступает Рождество.

В который раз я пожалела, что куклы не могут в полной мере увидеть мир таким, каким его видят и проживают люди. Но удивление и восторг на лицах моих друзей передавались и мне, словно я жила их эмоциями. Я – живая.

Я поняла, что Исландия удивительна не только для неискушенной впечатлениями старой куклы, но и для людей: это и есть край света.

Пожалуй, на тот момент я была самой счастливой куклой на земле. Моя фетровая ножка ступила на самый известный в мире вулкан. Его звали Эйяфьядлайёкюдль, а меня стали называть «Долли, дорогая Долли».

Я вновь сложила свои пластиковые ручки вместе, закрыла свои нарисованные глазки, тесно прижалась к своей хозяйке и опять попросила кого-то: «Пожалуйста, пусть это никогда не заканчивается». Моя хозяйка обняла меня покрепче и сказала: «Мне надо ехать на другой конец света, в жаркую Аравию. Поедешь со мною, Долли?»

Часть 2. Скоротечность жизни

Глава, в которой антикварная кукла задает вопросы.

Скоротечность жизни обязывает ее обладателя проживать максимально ярко и красиво каждую минуту, используя все возможности и подарки судьбы; но не все люди поступают так, предпочитая плыть по течению или довольствоваться тем, что есть.

Мы, куклы, наоборот, проживаем свой срок отрывками: долгие годы одинокого неподвижного состояния сменяются островками человеческой нежности и теплоты. Это приучает радоваться каждой секунде общения с миром живых существ, делает нас очень терпеливыми и скромными в отношении эмоций, избирательными и дотошными в области впечатлений. Сотни или тысячи раз я прокручивала тот момент, когда мы с моей хозяйкой нашли друг друга, задавалась одними и теми же вопросами: как и зачем этот огромный мир столкнул нас? Почему именно я? Почему именно она? Почему она так сильно любит меня? Почему разговаривает как с живой? Как я могу сделать ее счастливой? Что я могу вообще? Зачем я?

Я всматривалась в приближающуюся картинку бескрайних песков и футуристичных зданий, картинку, которая еще сильнее отделяла меня от современности. Я чувствовала себя просто старой куклой. Чья-то древняя душа зажилась в моем текстильном тельце с пластмассовыми ручками и нарисованными глазками. Но эта душа очень хотела жить, и мое сухое картонное сердечко явственно отбивало ритм живого сердца. Я хотела жить как никогда раньше, пусть даже в теле куклы.

Город, в котором мы оказались с моей хозяйкой, был из мира сказок и мифов, его населяли огромные стеклянные и бетонные великаны. Мне подумалось, что прочтение даже тысячи энциклопедий не заменит реальную встречу с этим городом, с его букетом ароматов пряностей и приторно-сладкой культуры. Это была Азия. Золотые моря бескрайних песков мягко переходили в золото зданий. Орнаменты на глине перерастали в кустистые узоры ковров. Завывание песчаных бурь мелодично подхватывалось ежечасными молитвами на улицах города. Зной разбавляли великолепные поющие фонтаны. Черные ночи и белые одежды, черные одежды и палящее белое солнце. Это был настоящий праздник двух стихий. В этом городе я слышала музыку, я видела музыку, я чувствовала музыку. Это были незнакомые мне восточные напевы, можно было купаться в их разнообразии, в их сладкой фантастичной загадочности.

Восточная двуликость. Смешение фантастических архитектурных творений с древними нерушимыми традициями этого края, наверное, приучило людей не удивляться ничему на свете, однако я явственно видела, что многие прохожие удивляются мне. Вид старой итальянской куклы никак не вписывался в общий ритм города. Здесь было место для золотых гор, дурманящих духов и специй, черного пряного кофе, королевских пиров, верблюжьих скачек, стеклянных монстров, восточной роскоши и мудрости древних скрижалей, но, пожалуй, этот мир не вмещал в себя маленькую потрепанную куклу с удивленным детским взглядом. И тогда я подумала, что похожа на осколок, выпавший из разбитого зеркала и закатившийся неизвестно куда, и мне предстоит собрать свою реальность, которая давно ждет меня.

Это было удивительно и не вмещалось в мое сознание.

Город, непонятные люди, странная музыка, стеклянные нескладные муравейники разбили все мои представления об устройении вселенной. Мир намного больше, шире и глубже, чем представляла себе старая кукла. И лучше не пытаться вникнуть в его устройство, в его бескрайности, оторванности, уникальности, хаотичности, перегибы и бесконечности. В этом мире вы можете встретить такие артефакты, которые не смогут уложиться в ваше сознание. Например, мое сухое картонное сердечко, отбивающее ритм живого сердца, – осколок кем-то разбитой реальности, которую, мне кажется, я должна собрать воедино. И тогда я снова закрыла свои нарисованные глазки, сложила вместе свои пластмассовые ручки, но мне не нужно было больше просить ни о чем: в этот момент мне показалось, что где-то очень далеко, почти не в этом мире, я слышу ритмы других картонных сердец, которые давно ждут меня. Именно меня. Ждут и надеются.

Часть 3. Мир глазами проснувшейся ото сна куклы

В этой главе у старой куклы появляется друг.

Наше путешествие продолжалось, как продолжалось и мое познание мира. Я, словно маленький ребенок, училась заново различать звуки, цвета, отсчитывать ход времени, отмечать события, и, главное, я училась чувствовать. В моей копилке памяти набралось множество новых впечатлений, они вспыхивали и гасли, играли на солнце и быстро растворялись в круговороте новых впечатлений. Это была игра нового и старого сознания.

Было ощущение, что я всегда умела это делать, но будто забыла, и вот это ощущение дежавю – мир глазами проснувшейся ото сна куклы.

Африка, Азия, Аравия... Эти неведомые магические континенты, о которых я могла лишь читать в энциклопедии, теперь открывали передо мною свои просторы. Я и не мечтала о том, чтобы узнать их историю и тайны. Но для куклы даже самый непритязательный пейзаж – это открытие.

Мне запомнилось и заставило вновь задуматься о моем странном пути в теле куклы загадочное и непостижимое Марокко.

Я все время сопровождала хозяйку, и мне открывался тот же мир и то же видение, что и любому обычному человеку. Бедные почвы марокканской степи и атласные шепчущие водопадами горы сменялись шумными грязными базарами, на которых можно было провести всю ночь в веселье и развлечениях. Здесь было таклюдно и шумно, что начинало казаться, будто толпа является чем-то целым и единым, движется в одном направлении и теряет свое начало и конец; время здесь останавливается, сменяются день и ночь, но не умирает жизнь. Мысли терялись в гомоне чужих страстей. Заклинатели змей, арабские танцовщицы, возницы, глотатели огня, фокусники, бродяги и рассказчики сказок...

Пустые уставшие глаза прохожих, слепые от ужаса глаза загнанных животных. Звон сотен монет на поясе у танцовщицы, запахи жаренного в пряных специях мяса и сильный дым от костров, крики разъяренных обезьян, гомон спорящих женщин, убаюкивающий шепот молитв

с минаретов, вой собак, стук копыт и колес кибиток, ароматы трав и марокканской мяты, зной от раскаленных крыш, вспышки фотоаппаратов...

Это была самая восточная и пряная из всех услышанных мною песен. Рассматривая город, мы заблудились в бесконечных грязных улочках Марракеша. Некоторые дворы были такими брошенными и разбитыми, что казалось, здесь прошла война и больше не живут люди. В некоторых районах мы встречали лишь облезлых кошек и чинно разлегшихся верблюдов. И ничего не оставалось, как спросить прохожих о том, как найти дорогу назад в наш утопающий в розах восточный отель, но в надвигающейся ночи нам встречались только быстро убегающие тени. Наконец мы заметили свет в одном из магазинчиков старины, которых в городе было множество.

К счастью, его окна не были заколочены, как другие, похоже, здесь кто-то жил. Было опасно и страшно, и некоторое время моя хозяйка в нерешительности стояла перед закрытыми дверьми, как вдруг старые, как этот мир, скрипучие двери сами распахнулись и словно втолкнули нас в свое пространство. Точнее, это был оазис, подzemелье старых вещей: от просто гнилых тряпок и рухляди до дорогих позолоченных канделябров и черного огромного рояля с золотой гравировкой.

Настоящее царство старинных предметов и антиквариата. Медные и серебряные кувшины, хрустальная и фарфоровая посуда и утварь, множество прекрасных шляпок и сумочек, кожаные кресла и королевский трон, будуарные трельяжи, китайские веера, граммофоны и картины с итальянскими пейзажами. Тут же стояли напольные позолоченные часы с тяжелыми маятниками, пылились редкие каменные срезы с наскальными рисунками и старинные пистолеты на стенах. А грязные хрустальные люстры и дырявые торшеры прятали чучела животных и клетки для птиц с мертвыми хозяевами внутри. И книги. Сотни, возможно, тысячи старых полуразвалившихся книг вокруг. Едкий запах чего-то старого и потерянного, нафталина и пыли ударил в нос.

Мы стояли, ослепленные светом всех этих золотых и серебряных сокровищ, и множество слепых глаз со стен хищно смотрели на нас. Мне было страшно, и я чувствовала, как дрожат руки моей хозяйки, еще сильнее обнявшей меня в этом мире потерянных во времени вещей.

Наверное, прошла целая вечность, как вдруг среди этого хлама что-то шевельнулось, и мы обе вскрикнули от ужаса и неожиданности.

В одном из полуразвалившихся кресел сидел дряхлый старик с практически белыми от слепоты глазами, такой же древний, как и половина всего в этой комнате. Его бесцветные глаза без зрачков, в дыму от курящейся трубки и каких-то благовоний, я была уверена, смотрели на меня.

– Сколько вы хотите за эту куклу? – неожиданно спросил старик.

– Я думала, это вы продаете старинные вещи? – не растерявшись, переспросила моя хозяйка.

– Я ничего не продаю, это мои вещи. Я здесь живу, – глухо ответил старик и склонил голову, так что его лицо и вовсе опустилось в облако дыма.

– Кукла тоже не продается. Это моя компаньонка в путешествиях. Я всегда ношу ее с собой как талисман.

– Простите, если обидел вас. Просто у меня есть старый плюшевый мишка, я хотел приобрести куклу ему в друзья. По-моему, он заскучал за последние сто лет в моей компании и среди этого хлама.

И старик встал из своего кресла. Тут случилось еще одно чудо! Оказалось, что он не такой уж дряхлый и старый. За седыми длинными волосами и этим дымом скрывались широкие плечи и плотная фигура. Он был похож скорее на мрачного хозяина подземелья.

Слово «старик» более не вязалось с сильной и коренастой фигурой, которая поднялась из старого бархатного кресла и обернулась вокруг своей оси, в то время как массивные жилистые руки уже доставали из кучи какого-то тряпья огромного плюшевого мишку цвета бордо.

Это был действительно очень старый мишка с одним ухом, ткань на нем кое-где пообтерлась и выцвела. Но жабо со старинной булавкой по-прежнему смотрелось красиво и благородно, хотя кружево давно пожелтело, а часть камней выпала.

Длинные музыкальные пальцы ласково потрепали мишку за единственное ухо, мягко провели по голове, потрогали за нос. Этот странный, неопределенного возраста человек с практически бесцветными глазами на миг превратился для меня в маленького скромного мальчика, милого и послушного, который любил все красивое и доброе, любил музыку и игрушки.

Я оглянулась вокруг, и мне показалось в этот момент, что все в комнате стало оживать: животные со стен переглядывались и смотрели на нас с удивлением; птицы в клетках чистили оперение и готовы были вот-вот взлететь; медные кувшины и стальные ножны и лезвия заблестели словно новые; даже мебель и та покрылась свежим ворсом бархата и запахла лаком и мастикой. Зажглись свечи и вспыхнули торшеры и люстры, переливаясь радугой от хрусталя и разноцветной бахромы.

Он вновь повернулся к нам и протянул моей хозяйке своего бордового друга:

– Он русский, как и я. Я дарю его вам. Если вашей кукле нельзя поселиться в Марокко, пусть он поедет за куклой, куда она его позовет.

Так странно встретить человека, которого ты никогда не знал, и сначала он показался тебе совсем чужим и недобрым, а потом всего лишь мгновение – и все оказалось совсем наоборот. И в твоей голове побежали струйки тонких, как ручеек, мыслей, журчащих и полных надежд. Случайно брошенный пристальный взгляд, способный отворить старые забытые двери, за которыми давно толпились мечты, похожие на бабочек в полуоткрытой коробке; еще мгновение – и они вырвутся радугой на дневной свет! Так могут мечтать только дети и влюбленные. Один взгляд, полный десятилетий, может быть, даже столетий. Поймет лишь тот, кто однажды открывал коробку, полную бабочек.

Хозяйка молча взяла мишку в руки. На удивление он оказался очень легким, почти воздушным, в нем зашелестели сухие опилки и ветошь. Это был удивительный подарок, это был сказочный момент. Она хотела ему что-то сказать, даже хотела улыбнуться и прильнуть, и вся ее тонкая фигура потянулась в поцелуе к незнакомцу.

– Прощайте, – сказал старик и медленно, словно кадры в старинном кинопроекторе, стал отворачиваться и уходить в темноту. Шаг за шагом с ним стали гаснуть свечи, которые уже превратились в огарки, люстры и торшеры лампочка за лампочкой тухли с его отдалением, все покрывалось тенью и мхом, погружалось в дым и в ночь, которая встретила нас у порога этого жилища на самом деле всего лишь несколько минут назад.

– До свидания, – сказала моя хозяйка странному русскому старику, ценителю и хранителю антикварных вещей, и дверь за нами закрылась, оставив стоять ее вот так на цыпочках, словно подпрыгнувшую в легком танце бабочку, держащую старую итальянскую куклу и огромного русского мишку цвета бордо.

Мы брели по черному городу теперь втроем, где-то все так же гремел неутихающий гул толпы, и – о чудо! – оказалось, что мы в двух минутах от ворот нашего роскошного восточного отеля, утопающего в розах и зелени. При виде такой компании швейцар галантно снял свою позолоченную фуражку и поприветствовал нас по-французски особенно учтиво, назвав меня «мадемуазель». Хозяйка устало улыбнулась ему.

Весь этот день, наполненный шумом, гамом и странными происшествиями, вмиг растаял, словно ничего и не было. И вот уже освежающая марокканская мята и восточные пряности дымились на дне фарфорового чайника, а красивые тяжелые хрустальные люстры отражались в

огромных зеркалах холла, выполненного в старинном восточном стиле, с коврами и кожаными диванами, совершенно новыми, блистающими чистотой и роскошью.

Словно мираж был весь этот день, и этот город, и этот старик со своим подземельем сокровищ, и это время, развернувшееся мигом в столетия событий и исчезнувшее так же неожиданно, как дуновение ветерка, оставив ураган в душе.

Лишь только огромный русский мишка цвета бордо с одним ухом, словно артефакт, остался от магического и непостижимого Марокко, по-дружески усевшись с нами на диване и удивленно разглядывая грустное лицо своей новой хозяйки.

Часть 4. Горячие сны Марокко

С этой главы начинается грустная пора в приключениях антикварной куклы, где ей придется спасти свою хозяйку.

Мы должны были пересечь пустынные степи Марокко, чтобы двинуться дальше по Азии, но сильные песчаные бури задержали нас в одном из далеких отелей, затерянных в песках. Проезжие и туристы останавливаются здесь, посередине жаркой и сухой пустыни, чтобы насладиться восточными ночами, когда одинокие звезды, окруженные лишь красными холмами, особенно ярко светят в ночи, готовые упасть вам в руки алмазами и бриллиантами, исполняя все желания.

Ночью устраиваются традиционные вечера с танцами, звоном монет на поясе восточной красавицы, дымом кальяна и ароматным пьянящим крепким восточным кофе. Все это пиршество заставляет сердце биться и выпрыгивать из груди.

Но этой зимой погода резко изменилась. Неумолимый ветер гнал пески на север. Пронзительный и сильный, он выл и днем и ночью. Этот жуткий свист стоял в ушах, и не покидала мысль о плохом знаменнии, о том, что должно что-то случиться. И это висело в воздухе. Даже прекрасные сады внутреннего дворика, традиционного для марокканского жилища, с фонтанами и клетками с птицами, не отвлекали от пасмурного настроения. С этого дня начался тяжелый период в нашей жизни. Его я вспоминаю с неохотой, но не могу не рассказать о той темной полосе, которая предшествовала светлой и счастливой.

Теперь нас было трое, и мы с Мишей дружно сидели на восточном диване в комнате хозяйки. Но день ото дня наша хозяйка все меньше брала нас на руки и все чаще сидела одна, грустная и печальная. В полумраке она смотрела сквозь нас, куда-то в пустоту.

Люди часто задаются вопросом: для чего им нужны куклы? Куклы легко могли бы ответить на этот вопрос. К сожалению, наши ротки говорят, но вы нас не слышите.

Приходя домой, вы смотрите на обстановку, на вашу любимую чашку, которая наполняется душистым чаем, или вашу любимую постельку с мягкой подушкой – и все это формирует приятные чувства, связанные с домом, с местом, где все хорошо и где вас ждут.

Так и мы, куклы, ожидая вас, расставленные в шкафах и сервантах, делаем ваш дом уютным. Глядя на нас, ваша душа наполняется смыслом и теплотой. Дом с маленькими жителями в виде тарелочек из поездок или куклами и мишками – это всегда полная чаша, в таком доме каждому гостю будет интересно и приятно, всегда найдется тема для разговора.

Но прежде всего куклы – это вы маленькие, маленькие и беззащитные, уверенные, что о вас позаботятся ваши мама и папа. Вам достаточно просто быть, хорошо кушать и сладко спать – и это уже счастье.

Мы, куклы, – это ваша история. Ваше нрещнее потерянное, но не забытое прошлое.

Мы, куклы, – это машины времени: один взгляд – и мы переносим вас в ваши мечты о добрых феях и сказках с добрым концом.

Тот, кого никогда не трогал взгляд куклы, просто забыл себя и свои лучшие мечты, потерялся в повседневности существования.

Тот, кто не украшает свой дом, редко там бывает, тот не находит себя и в шикарных апартаментах роскошного отеля.

Должно быть, обязательно должно быть место на этой земле, которое называется «мой дом». Этим местом может быть ваш чемоданчик, который вы возите с собой в поездках. Там могут быть и ваши повседневные предметы обихода, но там же обязательно должны быть фотографии любимых, фотокарточки мамы и папы, бабушки и дедушки, их письма с пожеланиями скорой встречи, ваша любимая кружка или любимая пижама, ваш талисман, кукла или плюшевый мишка, которых подарил вам самый дорогой человек на свете. И достаточно лишь взять все эти волшебные вещи в руки, как происходят настоящие чудеса. Сердце становится мягче и добрее. Самые непреодолимые невзгоды уходят на второй план. Появляются надежды.

Наверное, для этого куклы и существуют. Для этого есть куклы и люди.

Все чаще наша хозяйка сидела одна, не посещала восточные музыкальные вечера, оставаясь в своей комнате во мраке, с завывающим ветром. И мы видели, как она тает на глазах, словно теперь она превращалась в фарфоровую куклу с белой прозрачной кожей и горящим стеклянным взглядом, устремленным куда-то вдаль.

Однажды ночью я услышала странный шум. Мы с Мишей встрепнулись и даже встали посмотреть, что происходит. Женщина лежала бледная и что-то нашептывала. Это был глубокий сон, поселивший тревогу и какую-то черную безысходность в сердце нашей хозяйки и сделавший печальными нас, ее друзей.

Сон для кукол – это обычное состояние. Точнее, это и есть наша жизнь – сон, который никогда не заканчивается, а мы, обездвиженные, лишь наблюдаем за ходом времени, не в силах прервать его. Поэтому мне не стоило большого труда проникнуть в ее тревожные сновидения. Миша тоже последовал за мною в тягостный и тяжелый, словно туман, мучительный сон.

Мы оказались в темном Лесу. Все было неясным и каким-то странно обездвиженным. Словно время остановилось, и перестали шелестеть деревья, не капала вода, не пели птицы, даже облака, темные и грозные, застряли на месте.

Сны порой сильно отличаются от реальности, в зависимости от воображения и настроения сновидящего. Но бывают такие сны, над которыми мы не властны; они реальнее, чем жизнь, реальнее, чем сама реальность. Каждая деталь воспринимается ярче и сильнее. И если это плохой сон, то он может убить хозяина своей безысходностью и неумолимостью плохого конца. Простая жизненная преграда может восприняться как непреодолимая и последняя, отчего больше не захочется просыпаться.

Таким был и этот сон, сон застрявшего и потерянного времени. И мы с Мишей, взявшись за руки, во что бы то ни стало решили двинуться вперед в поисках хозяйки. Возможно, это было бы последним нашим путешествием.

Сон, словно туман, окутывал нас, и если бы мы могли чувствовать, как люди, мы бы ощутили холод и зловещий озноб от этого марева. Через некоторое время я уже не видела ничего вокруг, кроме белой стены. И только надежная лапа друга держала меня и тянула вперед.

Все-таки Миша появился не зря и, наверное, в самый трудный момент моей жизни. Если бы не он, возможно, я бы никогда не решилась идти вперед и действовать. А я ясно ощущала, что мне надо помочь своей хозяйке, пусть я даже пластиковая кукла. Здесь, во сне я была активным персонажем; кому как не мне были понятны эти странные сны без начала и без логического продолжения.

И только я так подумала, как туман начал рассеиваться, а через некоторое время и вовсе его не стало. Зато мы увидели нашу хозяйку. Она стояла неподвижно, ее белое одеяние истрепалось от ходьбы, босые ноги были исколоты и испачканы. Она стояла и смотрела на странный темный домик, который вдруг возник из ниоткуда в этом мрачном тихом Лесу.

Домик мог бы показаться даже симпатичным – милые окошки с резным крылечком, – если бы не холод и темнота, которые исходили от него. Зброшенность домика навевала грустные мысли о чем-то прошедшем и безвозвратно потерянном.

Наконец хозяйка двинулась к нему и решительно открыла дверь. Мы последовали за ней, готовые в любой момент помочь, чем только можем.

Домик оказался построен удивительным образом: в нем был большой длинный коридор, полный дверей, которые уходили направо и налево. Она включила свет, как будто бы бывала в этом месте не раз, и стало очевидным, что, кроме коридора и дверей, в домике и вовсе ничего не было. Кто же мог жить в одних коридорах?

Наша бедная хозяйка, бледная от предчувствий и грустных переживаний, приоткрыла первую дверь.

В комнате было темно, поэтому человек, который сидел на стуле, тотчас закрыл лицо руками от яркого света. Сразу бросилось в глаза, что, кроме этого молодого человека и его стула, больше ничего не было – ни мебели, ни окон, ни дверей.

Хозяйка остановилась в немом удивлении, и молодой человек тоже был весьма удивлен. Но уже через некоторое время они побежали навстречу друг другу и крепко обнялись. Она плакала беззвучно, он сдерживал слезы. Вся сила переживаний была видна в крепком объятии, как будто после долгой разлуки. Мы стояли с Мишей в ожидании.

Через некоторое время наша хозяйка начала что-то нашептывать молодому человеку, он молча стоял, склонив голову. Она говорила и говорила. Он только молча соглашался. Через некоторое время он снял со своих плеч ее руки и сказал, что ей надо уходить. Решительность и горечь были на его лице. Она хотела вновь его обнять, но он отошел, сел на свой стул и опустил голову, как тогда, когда она только открыла дверь. Она плакала, и крупные слезы катились по ее лицу и падали на пол. Затем она тяжелой походкой пошла к двери, последний раз взглянула на опущенные плечи своего знакомого и тихонько прикрыла дверь за собой.

В этот момент, возможно, впервые за мою долгую жизнь, я не пожалела, что я кукла. Сонная бесчувственная кукла. И пусть. Если человеческая жизнь – это череда расставаний и встреч, за которыми вновь идут расставания, я предпочитаю быть куклой, чья жизнь проходит размеренно и чье сердце не разрывается на части от человеческих страстей и ожиданий. Лучше лежать в коробке и сквозь туман видеть проплывающие события, столетия и лица, чем каждый раз умирать и вновь собирать силы на возрождение. Это невыносимые страдания.

Вторую дверь хозяйка открывала осторожно. За ней тоже оказалась комната, где тоже сидел молодой человек, смотревший в окно на темный Лес. Он тоже обернулся на свет, и лицо его было радостным. Хозяйка вбежала в комнату и по-дружески тепло обняла этого радующегося встрече молодого человека. Она плакала, но слезы тем не менее не стирали улыбки. Она стала нашептывать ему что-то на ухо, обнимая его. Он похлопал ее по плечу и сказал, что ему здесь достаточно хорошо и что он видел ее, когда она входила, и был рад ее приходу. Он гладил ее по плечу, и они долго смотрели друг другу в глаза. Тихая печаль повисла в этом долгом взгляде. Наконец он забрал свою руку и сказал, что ей пора уходить и чтобы она была спокойна за него: у него все хорошо. Лес не всегда бывает таким мрачным, за окном порой бывают рассветы и закаты, за которыми он любит наблюдать. Она ласково провела по его лицу рукой и грустно вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

С тяжелым вдохом она открывала следующую дверь. Там была старинная железная кровать с пирамидой подушек в кружевах, которых сейчас уже не вяжут. Другой мебели не было. На кровати сидели два старика. Увидев их, наша хозяйка бросилась им в ноги, громко-громко зарыдала и, всхлипывая, стала что-то шептать. Бабушка тоже плакала, а дедушка, закрыв глаза, нежно гладил нашу хозяйку по голове. Они сидели так долго-долго, потом стали нежно обниматься. Молодая женщина поднялась и села рядом с ними на кровать, положив голову на плечо

старой, которая, в свою очередь, осторожно и ласково стала расправлять растрепанные волосы и вытирала намокшее от слез лицо.

Эти картинки и сейчас стоят у меня перед глазами. Наверное, в этом доме было бы легче встретить страшных монстров и каких-то отвратительных чудовищ, чем увидеть то, от чего твое сердце разрывается на части.

Все знали, что и здесь наступит время расставания. И старики осторожно снимали с себя ее руки и отстранялись от объятий, которые не переставала искать наша хозяйка. Наконец она начала сильно плакать, не готовая уходить из этой комнаты. Но старики, преодолевая себя, нежно и крепко отстраняли ее, подталкивая к двери, пока она, заливаясь слезами, не оказалась в том странном коридоре с захлопнутой перед собой дверью.

Она долго сидела, не в силах даже встать, с красным от слез лицом и вздетыми к потолку глазами, с мольбой о силах. Наконец женщина взяла себя в руки и поднялась. Пришлось взяться за ручку еще одной двери, не зная или зная, что ждет ее за ней.

Эта была самая темная комната, и в ней не было окон, лишь книги, разбросанные вдоль стен, много книг. На полу сидел человек с седыми волосами, и мне показалось, что, среди прочих персонажей, он мне знаком. Яркий свет привлек внимание мужчины, и он поднял лицо. Это оказался тот самый коллекционер ценностей из лавки старины.

Она упала от неожиданности и пронзительной боли, я почувствовала, как в этот момент разбилось ее сердце, словно это мое картонное сердце перестало биться и сжалось в комок.

Женщина упала и заплакала, даже не в силах двинуться к этому странному человеку среди разбросанных книг. Лишь только белые руки потянулись к нему, призывая его. Но он сидел молчаливый и грустный, и крупные слезы падали с его почти бесцветных глаз. Он не хотел ни приближаться, ни двигаться к ней. Он не хотел ничего. Лишь слезы выдавали бушующие в нем чувства.

Мы с Мишей видели, как наша хозяйка стала таять на глазах, словно тот белый туман, более не выдерживая испытаний этого коридора, этих комнат и этого дома. Ее безжизненная фигура с распростертыми вперед руками стала растворяться и становиться все тоньше. В этот момент Миша разжал свою лапу и выпустил мою тряпичную руку.

Я глубоко вздохнула и поняла, что, возможно, именно сейчас, во сне, где я чувствую себя полноправной хозяйкой, у меня есть шанс помочь моей хозяйке. В реальности я бы не смогла сделать для нее того, что могу сделать здесь. Я стала увеличиваться и становиться большой, большой, до тех пор, пока моя хозяйка, теперь словно кукла, не поместилась у меня в руках. И тогда я нежно взяла ее, легкую и бездыханную, на руки и вынесла из этой комнаты. «Позаботьтесь о ней», – сказал нам с Мишей этот странный собиратель книг и древностей. Мы кивнули, и Миша закрыл дверь.

Мы вышли из этого домика, полного воспоминаний и слез, и стали двигаться туда, откуда пришли. Уходя, мы заметили, что во многих комнатах зажегся свет, и увидели радостные лица, провожающие огромную тряпичную куклу, держащую на руках спящую женскую фигуру, а рядом вышагивал бордового цвета медведь в кружевном жабо и с одним ухом.

Мое картонное сердце было полно печали, но билось спокойно и равномерно. Своими неуклюжими пластиковыми ручками я расправила слипшиеся от слез волосы, погладила по голове свою хозяйку, и мне захотелось сказать ей, пусть даже она спала и не слышала меня, мне хотелось сказать ей: «Вот теперь все будет хорошо, дорогая».

Часть 5. Жизнь в тумане

В этой главе сердце Долли наполняется тревогой, и антикварная кукла ближе узнает жителей Волшебного леса.

Мы наконец вернулись домой. В шкафчиках и на полочках нас ждали наши друзья: книги и куклы, мишки и игрушки, любимая ваза и знакомый вид из окна. Дом наполнился друзьями,

весельем и шампанским, громкими разговорами, расспросами и полуночными чаепитиями с задушевными откровениями. Казалось, что весь этот год был просто сном, порой дурным и удушливым, порой радостным и веселым – как любой удивительный сон. Моя хозяйка охотно рассказывала о наших путешествиях, свидетелями которых были мы с Мишей.

Лишь последние месяцы, связанные с болезнью, она опускала в своих рассказах. Да и зачем нужно нагружать друзей лишними скучными подробностями? Жизнь легка и проста, будь то жизнь куклы или человека. И если видеть в ней только хорошее, в памяти и останется только хорошее. А слезы и тяжелые воспоминания придают лишь горький привкус, за который мы порой цепляемся даже больше, чем за все то хорошее, что произошло.

Поэтому я тоже старалась не вспоминать ту страшную ночь и видела лишь улыбки и веселье в глазах хозяйки. Странно, но каждый вечер она ложилась спать и подолгу смотрела на меня в темноте. Смотрела и засыпала. Я не решалась тревожить ее сны.

Однако после всех этих путешествий, после всех этих странных событий со мною стало происходить что-то необъяснимое: я все чаще прислушивалась к разговору людей, мне становилось смешно от их шуток, любопытно от ярких подробностей, грустно от чьей-то тоски. Если бы я только могла, я бы прыснула от смеха или всплакнула с ними. Такого еще не происходило со мною.

А еще в моем картонном сердце с той ночи поселилась тревога и какие-то предчувствия, хотя все вернулось на круги своя – жизнь старой итальянской куклы в городской квартире одинокой молодой женщины, страстно увлеченной куклами и путешествиями. Но мое сердце не успокаивалось, и если кто-нибудь захотел бы приблизиться к моей груди в этот момент, он бы явственно почувствовал стук. Настоящее чудо! Стук живого человеческого сердца.

Чего я боялась? Я боялась снов и того Леса с непроницаемо белым, пропитанным неизвестностью туманом. Я знала, что мне предстоит туда вернуться, и, как бы я этого ни хотела избежать, он звал меня. Это было началом новой истории.

Этот стук вновь вернул меня из жизни кукол в реальность. Я сидела в красивом кресле на своем вечном посту у кровати хозяйки. Была ночь, гости разошлись. Она опять не ложилась. В тишине ночи ее горящий взгляд был устремлен на меня или сквозь меня. Я тоже посмотрела на нее. Именно, впервые в жизни, посмотрела: внимательно, словно видела кого-то другого, смутные далекие воспоминания. И тогда она закрыла глаза, откинулась на подушки и уснула.

Мое сердце, сначала медленно, а потом все быстрее, стало отбивать незнакомые мне тревожные ритмы, пока этот звук и вовсе не превратился в бой курантов. Я не могла остановить эти бег и звон, которые взбудоражили мое тихое кукольное существование. Мне было бы не страшно, но я знала, что мне предстоит вернуться туда, где дьявольские загадки, пугающие секреты и тайны хранил тот Лес. И несмотря на то, что больше всего я боялась этой встречи, этого непроницаемо белого, пропитанного неизвестностью тумана, я закрыла глаза, зная, что тотчас же окажусь именно там, словно погружаясь в белую трясину сновидений, сотканную из сомнений и ужасов. Моих ужасов.

Окунуться в сны очень легко: перестаньте думать, разгоните свои мысли, словно они – бегущие по небу облака, закройте глаза; а теперь сделайте глубокий вдох и откройте их там, в мире ваших фантазий.

Лес накрыл знакомый густой туман. Он струился из земли, окутывал стволы деревьев, раскачивая воздух во все стороны, словно был живой. Всюду мне мерещились какие-то смутные тени, безмолвные, но страшные в своем молчании: огромные слоновьи головы, пасти гигантских тигров, зверские обезьяньи ухмылки. Однако при приближении все эти привидения оказывались всего лишь кронами высоких деревьев, которые моя фантазия превращала в злобещих монстров.

Возможно, из-за того, что это было со мною не в первый раз, я доверилась этому Лесу и туману. И тут мне даже показалось, что он встретил меня, как хорошего знакомого, и его рука незримо ведет меня куда-то, чтобы обязательно показать мне что-то.

Однако страхи мгновенно рассеялись, как только я увидела подол платья убегающей прочь хозяйки. Мне захотелось двинуться, рвануть вслед за ней, уцепиться за быстро исчезающий в тумане край платья, как вдруг сильный ветер откинул меня в обратную сторону. Кто-то другой пробежал мимо, отчего эта ветряная воронка закружила меня. Я не успела прийти в чувство и машинально схватила кусок ткани, пролетающей мимо, и весь этот стремительный бег утянул меня за собой. Лишь потом я поняла, что меня уносит в противоположную сторону, все дальше от моей хозяйки, а она все больше исчезает в глубине туманного таинственного Леса.

Я ухватила подол платья молодой женщины, которая еще долго бежала, словно скрываясь от кого-то. Резкие движения и неровный бег, прерывистое дыхание выдавали сильный страх перед преследованием.

Это была совсем молодая женщина. Несмотря на ожесточенный вид и полный страха взгляд, а также бледность и усталость, ее можно было бы назвать даже красивой. Светлые волосы от бега сделались мокрыми и прилипали к лицу, под глазами обозначились глубокие круги, продольные морщины делали лицо остервенелым и даже суровым. Мне захотелось узнать, что или кто гнал ее по этому и без того полному чертовщины Лесу.

Она бежала долго, шага мелькала перед моими глазами. Наконец выдохлась и упала без чувств. Прошло еще какое-то время. Отойдя от обморока, она подняла голову и сразу же стала хищно всматриваться в след, видимо, выискивая признаки погони, но никого не было.

И тут она увидела меня. Я не хотела пугать ее: говорящие куклы вряд ли успокаивают и без того расшатанные нервы. Но мне не удалось ни успокоить, ни напугать ее, так как внезапно мы услышали человеческие голоса: с разных сторон Лес стал наполняться людьми. Это было так удивительно, что каждая из нас немного забыла про свои огорчения.

Белые одежды, развевающиеся на ветру шифоновые и шелковые шарфики, узорчатые зонтики, морские пилотки – это были люди из моей эпохи: дамы в нарядных длинных платьях с оборками, в шляпках, с изящными бантами и рюшками; мужчины, поддерживающие их под локоть, в белых льняных костюмах с бабочками и соломенных шляпах.

Да, Лес мог не только пугать, но и удивлять. Вот бы разгадать его загадки!

Они все шли, занятые своими разговорами и прогулкой, гудящим весельем, и наполняли собою видимое пространство. Лес стал белым от их присутствия.

Молодая женщина поднялась, вслед за ней встала и я, все еще держа в своих пластиковых ручках подол ее платья. Компания в белых одеждах не замечала нашего присутствия, а мы, наоборот, разглядывали их с большим интересом. Я и не знала, что в Лесу бывает так много людей и что он, Лес, бывает таким разным.

Моя новая знакомая, окончательно придя в себя, стояла в нерешительности на месте. Где она? Кто эти люди? Что теперь делать? А я и вовсе не знала, что теперь думать, привыкнув повсюду следовать за людьми, поэтому решила тоже стоять и ждать. Пауза затянулась, но ненадолго: я почувствовала трепет в руках и, посмотрев вверх, увидела сильную перемену в лице новой знакомой. Она опять побледнела, стала раскачиваться, вновь метаться, как бы не находя себе места, отчего и меня, державшую подол ее платье, стало трясти. Я посмотрела в ту сторону, куда она так напряженно всматривалась, и ужаснулась.

В Лесу, среди всей этой беззаботной компании в белом, с пикником и играми на свежем воздухе, среди смеха и громких разговоров, из глубокого черного покрова стали проглядывать, словно миражи, тигриные и львиные морды. Это было сверхъестественно и привело меня в

такое изумление, что я не сразу вспомнила, что нахожусь всего лишь во сне, где можно встретить и увидеть невероятное.

Однако моему удивлению не было предела, когда я заметила, чтодвигающиеся фигуры зверей вовсе не пугали всю эту компанию: те по-прежнему смеялись и громко разговаривали, порой уступая дорогу тигру или обходя огромного хохлатого льва. Звери тоже не особо обращали на них внимание. Две реальности, соприкасаясь, двигались по своим траекториям, не мешая друг другу. И чем больше они приближались, тем отчетливее я стала понимать, зачем они пришли. А точнее, кого они искали.

Моя новая знакомая больше не шевелилась, она, казалось, наоборот превратилась в статую. На лице отобразился такой ужас, что оно стало не просто бледным, а белым, как тот туман, что столкнул нас. Мне кажется, если бы она сейчас упала, она разбилась бы на осколки, словно мраморное изваяние.

Животные при приближении к нам тоже изменялись: шерсть их вставала дыбом, хвосты выкручивали нервные зигзаги. Взгляды хищников становились черными и приобретали странный гипнотический блеск, устремляясь все в одном направлении, сосредоточиваясь на одной точке. В этих агатовых блестящих шарах я увидела бледную тонкую женскую фигуру, застывшую в оцепенении, и маленькую желтую куклу, ухватившуюся за подол ее платья. Люди в белых одеждах будто не замечали происходящего; более того, они стали удаляться в глубь Леса и, словно призраки, на глазах таяли в воздухе.

Новые гости все еще прибывали, становясь во второй круг цепи. Снизу мне было трудно сосчитать, сколько их, я видела только стену из разномастных шкур. Огромные косматые головы открывали свои страшные пасти в реве и рыке.

Молодая женщина более не двигалась. Безысходность сковала все ее существо, и только этот горящий взгляд, в котором отражались опасные гигантские воплощения всех ее страхов, которые настигли ее все и сразу, только он выдавал признаки жизни.

Наконец мы были полностью оцеплены разношерстными представителями семейства кошачьих: африканскими и азиатскими львами, бенгальскими и гималайскими тиграми всех мастей, черными пантерами и прочими.

И теперь ей уже было не убежать. Это было понятно по довольным кивкам гривами и реву ожидающих расправы хищников. Я смотрела на нее и не знала, чем помочь. Секунды становились невыносимо долгими, минуты были похожи на вечность. Эта остановка времени уже была мне знакома, и чей-то неожиданный рык повис в воздухе.

Я закрыла глаза и подумала: что могло бы спасти нас сейчас? Было бы здорово, если бы мы были какими-нибудь волшебными героями или имели магические талисманы: один взмах руки смел бы сильным ветром этих диких кошек. Но вряд ли у меня или у моей испуганной спутницы были подобные палочки-выручалочки.

Было бы верным перестать бояться и источать этот сладкий вкус добычи, на который нацелились животные. Но вряд ли этот совет был уместным сейчас, за минуту до расправы.

В голове крутились другие идеи. Я открыла глаза и увидела, что моя новая знакомая, нервно ломая руки, тоже ищет выход. Однако в голову не приходило ничего дельного; в такой безвыходной и безнадежной ситуации ей еще не доводилось бывать. Отчаяние охватило ее, и все, что я, пожалуй, могла сделать, – это обнять ее за ногу. Она почувствовала мое прикосновение, быстро взяла меня на руки, зажмурила глаза и крепко обняла. Так обнимают в самые отчаянные минуты своих мам, сестер, подруг или любимых кукол.

Я читала ее мысли: она уже видела, как несколько самых крупных полосатых гигантов в прыжке разрывают ее на куски, и страшная картина полностью сковала ее сердце, от чего оно перестало биться. Не в силах более изменить ничего, она замерла на последней мысли в воспаленном сознании: «Пусть это случится побыстрее».

Больше не хотелось ни прятаться, ни бежать, ни бороться, ни защищаться, ни думать, ни двигаться. Захотелось вновь обернуться маленькой девочкой, которую обязательно возьмут на руки и спасут от ужасных страшилищ мама или папа.

Все.

Казалось, прошла вечность без движения. Но что-то случилось, воздух как будто качнуло. И я, все еще прижатая к ее груди, почувствовала новый стук. Четкий. Звонкий. И только она так подумала, и только ее сердце забилося в новом звонком ритме, как животные сделали движение вперед, и жаркое дыхание обдало нас горечью мускуса кошачьего тела.

Монстры пронесли мимо. Их морды поскучнели, потеряв к нам всякий интерес, и вместо рева мы услышали позевывание уставших кошек, разбредающих в стороны. Они больше не смотрели на нас, часть из них и вовсе уселась рядом и облокотилась своими пушистыми формами о бедную тонкую фигуру моей несчастной знакомой, словно поддерживая и согревая ее своими телами.

Она еще долго так стояла, напряженная и нервная, с широко открытыми глазами, сильно прижимая меня к себе.

Часть 6. Война Долли

Самая грустная часть приключений Долли, где она теряет хозяйку и находит другую куклу, Молли.

Однажды к нам в гости заглянула одна пожилая и очень больная на вид женщина. Узнав, что моя хозяйка коллекционирует кукол, она решила подарить ей свою коллекцию, которую бережно собирала и хранила в течение пятидесяти лет. Ее век подходил к концу, и она не знала, кому передать свое сокровище. Детям и внукам куклы были не нужны.

Она была очень богата, до последнего управляла фабриками и заводами, была одной из первых женщин-управляющих в свое время, хотя чисто внешне оставалась просто приятной пожилой дамой с умными грустными глазами. Куклы всегда сопровождали ее и никогда не покидали. У нее были личный музей и своя мастерская, откуда появлялись потрясающие красавицы в роскошных нарядах с царственным взглядом, которые могли служить украшениями любого королевского музея. Почти никто и никогда не видел ее потайной сокровищницы, этих залов с зеркальными и стеклянными шкапами, полных фантастических неземных созданий.

По ее словам, куклы живые, они умеют слушать и разговаривать, и иногда они звали ее. Каждый раз она оставляла свои дела и шла на этот зов, либо покупая понравившуюся куклу, либо выдумав ее в своей мастерской.

Моя хозяйка отказалась от такого подарка: к сожалению, подобная ноша как обогащает, так и становится невыносимо тяжелой для ее хозяина. Любая страсть поглощает, превращая обладателя сокровища или таланта в своего раба.

Дама взяла меня в руки и спросила цену. В этот момент меня словно ударило током, недавно проснувшееся сердце стало расти, и ему стало тяжело в этой пластмассовой клетке. Оно стало биться о стенки, сотрясая все мое существо. Сердце билось испуганной раненой птицей, ожесточенными ударами нанося травмы себе и кроша все вокруг. Мое маленькое тельце, внешне недвижимое, разрывалось внутри от возмущения и страданий. Моя хозяйка ничего не ответила. Ее взгляд был устремлен куда-то вовне.

Дама успокаивающе погладила меня по голове и сказала: «Я знаю, ты хочешь остаться с ней. Я не возьму тебя».

В этот момент все умолкло. Чувства покинули меня, и я провалилась во что-то темное и густое. Мысли вернулись так же быстро, как и пропали, но я оказалась уже совсем в другом месте, и это вновь был тот самый Лес. Жуткое разочарование и нехорошее предчувствие овладели моим кукольным тельцем, живущим и чувствующим, как человек. Слишком много слез и

слишком много потрясений приносили мне эти встречи. И не оставалось надежд, что и в этот раз мне окажут теплый прием.

В этот раз Лес был беспокойным, чудовища, окутанные туманными тенями, со скрипом тянули ко мне свои пасти, запугивая яростными рыками; мощными хоботами они трубили проклятья, мерзким шипением предвещали несчастье.

И самое страшное, что я не могла повернуть назад, не могла выйти из Леса, не узнав, зачем он позвал меня.

По знакомой дороге я пошла в глубь Леса, и чем дальше входила в его дебри, тем страшнее становилось. Странные звуки и шумы раздавались отовсюду. Отчетливо слышался треск бьющегося стекла, скрежет металла, ужасные крики и стоны людей. И вот остался последний шаг перед тем, как увидеть то, что приготовил мне сегодня Лес. Я сделала глубокий вдох и двинулась туда, где шла война...

Это был настоящий кровавый бой. Дрались люди. Много людей. Мужчины и женщины. Молодые и старые. Я видела даже детей. А присмотревшись, в глаза стали бросаться еще более странные картины: многие дрались, не имея противника – напротив них стояли огромные зеркала; порой это были огромные осколки в человеческий рост. Вот откуда был этот страшный треск! Осколки разлетались в разные стороны, но больше всего ранили того, кто стоял напротив. Наконец, после долгой неподвижности, я решила двигаться вперед в гущу сражений.

Это было жуткое зрелище. Ошеломленная увиденным, жестокостью побоища, я то и дело останавливалась. Женщины и мужчины истязали, пытали, избивали кнутами, наносили отчаянные удары и пощечины друг другу. При этом женщины ничуть не уступали мужчинам в силе и ожесточенности. Жуткие кровавые следы долгих упорных боев виднелись на коже, кровь брызгала в разные стороны, однако никто не сдавался и не просил помощи.

Я видела пару, где молодая рыдающая женщина цеплялась за уходящего мужчину с холодным взглядом, умоляя остаться, целуя ему ноги. Он же ударял ее, и чем больше она умоляла, тем злее и суровее становился он. Стоило ей упасть после очередного удара, замирая от боли, он поворачивался к ней, его взгляд становился участливым, и он даже жалел ее, поглаживая. Но как только боль утихала и она приходила в чувство, снова поворачивалась к нему, начинала цепляться и умолять, он вновь превращался в жестокого и холодного, и чем сильнее она просила, тем сильнее он отталкивал ее. И когда она опять начинала целовать его руки, корчась на коленях, цепляясь на штанину, он начинал бить ее. Медленно, беспощадно бил по лицу, отвечая на поцелуи ругательствами и криками. По его же лицу пробегали судороги ярости, оно серело и становилось нечеловеческим.

Я видела других людей и другие пары; между ними иногда становились дети, порой попадая под удары, и это тоже не останавливало бой. Некоторые пары держали в руках страшные осколки, где отражались их кривые от ярости лица, кровь текла по рукам, каждый удар мог стать последним. У многих на руках уже лежали мертвые, и страшный вой стоял вокруг, жуткий, пронизывающий, словно выли не люди, а волки. На это невозможно было смотреть. Даже мое пластмассовое тело холодело и чувствовало кошмар происходящего. Сердце сжималось от боли и теперь походило на бедную испуганную птичку, забившуюся в угол.

Одна картина также заставила меня остановиться. В воздухе очень высоко зависла тонкая фигура молодой женщины. Невидимые силы сжимали ей горло, от чего ее трясло во все стороны. А напротив нее завис огромный осколок зеркала, в котором отражалось какое-то чудовище с изрезанным лицом, жуткими кровоподтеками и отвратительными искаженными чертами. Сначала я даже не поняла, что именно происходит. Чем сильнее она пыталась освободиться, тем сильнее сжималось невидимое кольцо у нее на шее, тем страшнее кривилось чудовище в зеркале.

И вдруг я заметила, что девушка посмотрела на меня. Это было неожиданно и странно, ибо другие участники поля битвы не обращали на меня никакого внимания, хотя я и пробовала говорить с ними. Она посмотрела на меня с мольбой. Лицо ее становилось неестественно красным, шея начинала синеть. Мне очень захотелось дотронуться до нее, но она так высоко зависла в воздухе!.. Однако как только я об этом подумала, невидимый поток ветра подхватил меня и поднес к ней. Она вновь посмотрела на отражение, и волна ненависти прокатилась по ее бледному лицу.

Я пригляделась к монстру напротив, и меня осенило: сквозь все эти порезы и раны ужасное чудовище оказалось израненным отражением этой бедной девушки. Присмотревшись ближе, я увидела, сколько боли от ран оно испытывает; ярость на лице была всего лишь реакцией на сильное жжение и муки.

Девушка с новой силой попыталась освободиться из удушающих оков, заболтала ногами и прорычала какое-то ругательство. Отражение ответило холодным взглядом, полным ненависти, и усилило хватку. И так по кругу. Эта история стала подходить к концу: девушка больше не смотрела на меня, дышать становилось все сложнее, она билась в агонии. Лицо ее посинело, глаза стали выкатываться. Я приблизилась к ее лицу и сказала:

– Быстрый способ окончить войну – проиграть ее. Ты проиграла. Они выиграли. Все.

В этот момент что-то случилось. Одно мгновение. Только один вдох. Только один выдох. Она посмотрела на меня, и по ее немому бордовому лицу потекли слезы, стирая красноту и синеву удушения. Она сказала, что ее обманули, жестоко предали, и она ненавидит. Я сказала, что, возможно, это так, и она проиграла, к сожалению. Она сказала, что над ней будут смеяться. Я сказала, что, возможно, это так, и она проиграла им и в этом, к сожалению. Она сказала, что ей стыдно за себя. Я сказала, что это пройдет.

Отражение в зеркале плакало, и горячие слезы, смешанные с кровью, еще больше раздражали раны, но чудовище не чувствовало всего этого: внутренняя боль перекрывала боль израненного тела.

Туман окутал отражение в зеркале, и его образ медленно стал растворяться в воздухе. Хватка невидимых оков пропала, и девушка легко упала на землю. Встав на ноги, она побрела в другую сторону. Для нее эта война закончилась поражением, равным цене победы.

Я пошла дальше. И то, что открылось в следующий момент, поразило меня, как гром! Посреди этого поля битвы я увидела свою хозяйку. Увидела ее лежащей на земле в центре разбитого вдребезги зеркала. Тысячи осколков обрамляли ее тело. Бледная и бездыханная, прекрасная и мертвая, моя дорогая хозяйка, пока я медлила, уже окончила свою битву.

И тут случилось то, что навсегда изменило мою жизнь. От этой страшной картины, которую, мне кажется, я предчувствовала давно, словно заранее предвидя невидимые предвестники несчастья по ее тоскующему лицу, по этим грустным улыбкам, по этим побегам во сне, меня словно ударило невидимой волной.

Это разбило мою реальность, мой привычный кукольный идеалистический мирок, который я придумала себе. Это вырвало меня из всех моих представлений о добре и зле, о смысле жизни. Эта картина разбила меня, как зеркало! И я побежала!

Мои ноги стали гибкими и быстрыми, мои движения перестали быть движениями пластмассовой куклы. Я подбежала к ней и упала у ее тела, мои пластмассовые ноги согнулись в живых коленках, а ладони, разделившись на пальцы, нежно обняли ее бледное лицо. И страшный крик отчаяния вырвался из моего живого тела, крик моего сердца, которое давно проснулось и давно трепетало и чувствовало.

В этот миг мое тело перестало быть телом куклы, я перестала быть куклой. Я больше не спала. Я стала человеком. А мой лучший друг, мой самый дорогой человек лежал бездыханным на моих руках. И теперь мои горькие горячие слезы лились по человеческому лицу и падали на холодное тело отражения. Она стала таять у меня на руках, медленно уменьшаясь и

растворяясь. И я знала, что происходит. Фарфоровый блеск тронул сначала ее стройные ноги – и они превратились в керамические; затем бисквитная волна снизу вверх стала сглаживать все ее тело, превращая, как по волшебству, в фарфоровую красавицу. Я пыталась говорить с ней, отчаянно кричала на нее, но кто, как не я, знал лучше всех, что все это бесполезно, что нельзя жить с разбитым сердцем.

Я кричала от горя, как кричали десятки этих людей вокруг. Я кричала на нее, я била себя по лицу, ведь именно я обещала ей, что все будет хорошо, обещала и не сдержала своих слов. Как быстро изменилась наша с ней жизнь! Теперь я качала ее на своих человеческих руках, ползая среди осколков разбитого зеркала, а она бездушной куклой смотрела на меня как на хозяйку.

Больше всего на свете я хотела, чтобы она стала живой, но последний штрих фарфорового превращения коснулся губ, ее мягких нежных розовых губ, которые часто целовали меня на ночь и утром при встрече. И словно ветерок прошелестел где-то рядом: «Спасибо, Долли», а дальше они застыли, как и все ее лицо и тело, обнажая белые зубки и легкую улыбку бисквитной красавицы. Такой она была при жизни – всегда задорной, активной и веселой. Все это нашло теперь отражение в кукле.

Мой лучший друг, мой единственный дорогой на свете человек, которого я так любила, умер.

Не знаю, сколько прошло времени. Лес стал черным, лишь искры от скрежета бьющегося стекла озаряли его деревья и поляну. Такой же вспышкой память вернулась ко мне, и я увидела у себя на руках удивительную куклу. Ее невероятной голубизны глаза смотрели на меня стеклянными удивленным взглядом. Я бережно взяла ее на руки, и мы пошли туда, откуда я пришла.

Битва вокруг не заканчивалась, однако в этом смертельном поединке каждый видел только зловещих чудовищ напротив. А моя война закончилась.

Я проснулась в кровати в нашем доме, на месте, где всегда засыпала и просыпалась моя хозяйка. У меня на руках была кукла, ее звали Молли. Для меня это была самая красивая кукла на свете. Я встала и посмотрела в зеркало в комнате, и меня совсем не удивило отражение, будто я знала, что должна там увидеть. На меня смотрело знакомое лицо моей хозяйки и одновременно удивленное лицо молодой незнакомой мне женщины. Но вместе с тем меня посетила какая-то уверенность, какое-то знание, что я теперь должна была делать. Я больше не хотела путешествовать и познавать этот мир. Он был прекрасен и удивителен и без проснувшейся ото сна куклы. Теперь вместо тысячи вопросов у меня остался только один. Я есть. Есть Молли. Значит, где-то есть мой настоящий дом и там обязательно должны нас ждать?

Часть 7. Жизнь дома

Руки автоматически находили нужные вещи и складывали их в чемодан. Это было очень просто – пойти на вокзал и купить билет, а потом ждать своего поезда: я, Молли и чемодан. Мы ехали домой, поезд уверенно вез нас туда, куда только он знал, как можно добраться.

Я увидела наш с Молли дом с глиняной черепицей, деревянные окошки, заросшие цветами, милое резное крыльцо, это благоухание вечной весны нашей Италии. Дверь распахнулась, и на пороге показалась моя мама. Мама, которая всегда с надеждой провожала и ждала домой. Ее лицо ничуть не удивилось моему неожиданному появлению, и лишь по крепким долгим объятиям я поняла, чего стоила ей наша разлука. С этого момента началась моя новая, или давно забытая старая, история жизни с ее ранними рассветами, человеческими хлопотами и заботами и мыслями о неизвестном будущем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.